

**МИРЫ
ВИКТОРИИ ШВАБ**

ВИКТОРИЯ ШВАБ

БЛИЖНЯЯ
ВЕДЬМА

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44
ШЗЗ

Victoria Schwab
THE NEARWITCH
The Ash-Born Boy

*Печатается с разрешения автора
и литературных агентств
Baror International, Inc. и Nova Littera SIA.*

Дизайн обложки Екатерины Климовой

Шваб, Виктория.

ШЗЗ Ближняя Ведьма: [роман] / Виктория Шваб ; пер. с англ. Е. Мигуновой. – Москва : Издательство АСТ, 2019. — 416 с. — (Миры Виктории Шваб)

ISBN 978-5-17-114838-6

Однажды у дома Лекси на пустоши появляется неизвестный молодой человек. А следующей ночью в деревне начинают пропадать дети, и загадочный незнакомец становится первым подозреваемым. Все силы брошены на поиски детей, а Лекси с таким же упорством ищет правду о Ведьме, о ветре, который каждую ночь говорит с ней сквозь стены, и о безымянном юноше, который пришел в ее деревню.

Загадка, история любви, песня ветра — все это в дебютном романе Виктории Шваб, которая получила мировую известность благодаря трилогии «Оттенки магии» и серии романов о Кэссиди Блейк («Город призраков», «Туннель из костей» и др.).

«Мальчик, рожденный из пепла» — повесть, также вошедшая в эту книгу. Это приквел к истории о Ближней Ведьме.

**УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44**

**Copyright © 2011, 2019 V. E. Schwab
© Е. Мигунова, перевод на русский
язык
© ООО «Издательство АСТ», 2019**

ISBN 978-5-17-114838-6

*Маме и папе —
спасибо,
что ни разу не усомнились.*

ОТ АВТОРА

Рассказать историю хотят многие.

Скажи в любой компании: «Я пишу книги», и не меньше половины тут же сообщат, что тоже собираются при случае написать книжечку. При случае, когда выдастся свободное время. Когда-нибудь, надо только сосредоточиться. Некоторые даже начинали, но мало кто продвинулся дальше первой главы, а уж тем более третьей или пятой.

Я их не осуждаю (ведь читателей должно быть намного больше, чем писателей). Просто хочу сказать, что не так это просто — написать книгу. А уж если кому-то захочется, чтобы его книгу кто-то прочитал, тогда слово «КОНЕЦ» для этого автора станет только началом. Потому что если он решит издать книгу традиционным способом, ему предстоит найти агента и издателя. Затем начнутся правки, редактирование (хорошо, если по одному кругу, а часто и по пять-шесть раз), чтобы привести текст в порядок, сделать его приемлемым для читательской аудитории, заслужить место на полке в книжном магазине, а там, глядишь, и у читателя дома.

Вот сколько препятствий отделяет первый всплеск фантазии автора до настоящей книги. Так что далеко не всем историям удается добратъся до книжной полки.

И уж совсем редко какой-нибудь истории доводится проделать этот путь *дважды*.

Но «Ближней Ведьме» выпала именно такая счастливая судьба.

Это книга, с которой для меня всё началось. Нет, это не первая книга, которую я *написала*. Сомнительная честь быть первой принадлежит бессвязной, бредовой истории, которую я выдумала, когда мне было девятнадцать лет. Я просто хотела проверить, способна ли вообще придумать сюжет больше чем на дюжину страниц и худо-бедно привинтить к нему слово «КОНЕЦ».

Но «Ближняя Ведьма» — первая моя книга, пробившаяся на полки, к читателям.

Для тех, кто не знает, — это книга о магии.

А еще это книга о страхе.

В том числе о страхе выбратъся, выйти наружу, о противостоянии между теми, кто входит в круг, и теми, кто в него не входит. Тогда я еще не знала, что эта тема станет такой важной, даже центральной в моих книгах. Что все мои повести, от «Темного оттенка магии» до «Зла», «Архива» и «Этой свирепой песни», будут о тех, кто в своем мире чувствует себя потерянным. Или о тех, кто нашел себя в чужом. Но тогда мне был двадцать один год, я училась в университете и, выкроив время, по вечерам писала в кафе. Вчерашняя школьница, девчонка, не видевшая ни-

чего, кроме учебы, я чувствовала себя именно так — застрявшей между двумя главами своей жизни, не принадлежавшей ни прошлому, ни будущему.

Вот таким был мир, в котором появилась на свет эта книга.

Она началась с шороха, потрескивания и вспышки.

Это первые слова книги, но ими же можно описать и мою писательскую историю. «Ближняя Ведьма» была маленькой повестью, негромкой и необычной. А в те времена, наоборот, успехом пользовалось и хорошо продавалось все шумное и хотя бы смутно знакомое. И, как я ни пыталась защитить слабый огонек ее жизни, его как ветром, задуло после публикации. Иначе и быть не могло.

Но к счастью, мой огонек оказался сильнее. Я продолжала писать, публиковаться, продолжала раздувать костер, и он разгорался все жарче, пока не окреп настолько, что бури, которые случаются в этой прекрасной, но переменчивой области, стали поддерживать огонь, а не гасить его.

За следующие семь лет я написала *четырнадцать* повестей. С каждой новой книгой количество читателей росло, мои истории нашли свою аудиторию. Круг расширялся, и наступил момент, когда люди стали проявлять интерес к той, первой истории.

К искре, от которой разгорелся костер.

Радостно и грустно снова встретиться со своей историей, увидеть, что спустя столько времени она все еще нужна. Но я с ней не прощалась и упрямо надеялась, что рано или поздно она найдет дорогу к читателям. Как будто все это время я прикрывала ладонью спичку, хотя огонек и погас.

И вот, пожалуйста!

Мы вернулись назад — к самому началу.

БЛИЖНЯЯ
ВЕДЬМА

ГЛАВА 1

Все начинается с шороха, потрескивания и вспышки. Спичка шипит и оживает.

— Ну пожалуйста! — раздается у меня за спиной тихий умоляющий голосок.

— Уже поздно, Рен, — говорю я. Огонь медленно поглощает спичку, которую я по очереди подношу к трем свечам, стоящим на сундуке у окна. — Пора в постель.

Свечи зажжены, я взмахиваю спичкой, и огонек гаснет. На фоне темного стекла вьется дымок.

Ночью все кажется другим. Более определенным. За окном мир полон теней, они жмутся друг к другу, рельефные, резкие. Почему-то ночью они очерчены резче, чем днем.

Звуки ночью тоже звучат резче. Свист. Треск. Детский шепот.

— Ну еще хоть одну, — упрасивает Рен, прижимая к груди одеяло. Со вздохом отворачиваюсь от сестренки и глажу пальцами корешки книг, лежащих рядом со свечами. Кажется, я готова сдаться.

— Она была очень старой и очень юной — смотря как повернет голову. Ведь настоящего возраста ведьмы никто не знает. Ручьи вересковых пустошей были ее кровью, а трава пустошей — кожей, а улыбка у нее была ласковая и в то же время лукавая, как месяц в черной-черной ночи...

К концу рассказа Рен — тихо сопящий клубочек под одеялом, — привалившись ко мне, погружается в глубокий сон. Три свечи на сундуке еще горят, клонятся друг к другу, на дерево капает воск.

Рен боится темноты. Раньше я на всю ночь оставляла у ее постели горящую свечу, но сестренка засыпает быстро, а если и проснется, то с закрытыми глазами пробирается в комнату матери и не сбивается с пути. Так что теперь я сижу с ней рядом, пока не заснет, а потом задуваю свечи. Ни к чему попусту их трогать, да и опасно, можно дом спалить. Я тихо выбираюсь из кровати, опускаю босые ноги на старый деревянный пол.

Потянувшись к свечам, задерживаюсь взглядом на лужицах воска. На них следы пальчиков — Рен обожает рисовать, стоя на цыпочках, пока воск еще теплый. Я рассеянно касаюсь воска, и вдруг краем глаза что-то замечаю за окном, какое-то мимолетное движение. Но там ничего нет. Только ночь, темная, хотя кое-где ее пронизывают нити серебристого света, а ветер дышит в окно и тихо гудит. Старая оконная рама дрожит и стонет.

Мои пальцы поднимаются от воскового озерца к подоконнику, и я чувствую ветер за стенами дома. Он крепчает, набирает силу.

Когда я была маленькой, ветер пел мне колыбельные. То смущенно, запинаясь, то пронзительно и резко, заполняя мир вокруг меня — и даже когда вокруг, казалось бы, царили спокойствие и тишина, на самом деле все было иначе. Вот так я и росла, вместе с ветром.

Но сегодня ночью все по-другому. Словно в музыку ниточкой вплетается новый звук, более тихий и печальный, чем прежние. Наш дом стоит на северной окраине деревни Ближней, и за дребезжащим оконным стеклом раскинулась вересковая пустошь, словно кто-то развернул отрез ткани: холмы, холмы, поросшие бурьяном, усеянные камнями, да кое-где ручей. Конца-края не видно холмам, и весь мир кажется черно-белым, резким и застывшим. Среди камней и сорной травы торчат несколько чахлых деревьев, но и они странно неподвижны, даже при таком ветре. Но, могу поклясться, я видела...

И снова за окном что-то мелькнуло.

На это раз я настороже и успеваю увидеть. На краю нашего двора, на невидимой линии, отделяющей деревню от пустоши, шевельнулась какая-то тень. Она делает шаг вперед, и на нее падает лунный свет.

Щурясь, я прижимаю ладони к холодному стеклу. Эта тень — человеческая, но фигура как будто едва намечена, и ветер треплет ее, пытаясь разорвать в клочья. Лунный свет падает на перед-